

«Слухи о моей смерти могут навредить моей карьере», —

заявил Марчелло Мастроянни в своем интервью. Оно оказалось последним. Великий актер умер в Париже 19 декабря. Приводим выдержки из этого интервью.

Он долго и тяжело болел — не в порядке почки. Похудел, выглядит изможденным. Да еще вдобавок подвернул ногу и поэтому ходит с трудом, опираясь на палку.

К счастью, недуг не помешал 72-летнему Марчелло Мастроянни сняться в очередном фильме «Путешествие в начале мира» португальского режиссера Манозла ди Оливейра, кажется, 161-м за его полувековую карьеру. Теперь актер собирается сыграть в новой ленте известного греческого постановщика Тео Ангелопулоса и готовится вернуться на итальянскую сцену.

Несмотря на все болячки, Мастроянни в интервью журналу «Пари матч» заявил, что не намерен ни бросать курить, ни менять своего ироничного отношения к жизни.

— «Мастроянни больше не увидит солнца своей страны» — всего несколько недель назад писала пресса, которая поторопилась вас похоронить...

— Я был болен, а они утверждали, что я уже умер. Ужасно, что они пишут, а главное — опасно для моей дальнейшей карьеры.

— Как складываются ваши отношения с тем, кто вас ждет на небесах в потустороннем мире, и кого вы постоянно называете «большим господином с седой бородой»?

— (Мастроянни театралью вскидывает глаза к небу. Молчит и вздыхает). Не могу понять, почему он там не занимается своими делами. Почему по его мановению мы должны исчезать? Вопрос о том, когда мне уходить, я предпочел бы решать сам — когда захочется.

— Если бы вам пришлось писать мемуары, как бы вы их назвали?

— «Прекрасная жизнь» — я так ее люблю! Я всегда принимал от нее все — даже самое плохое. Наверное, поэтому жизнь и говорила себе: «Этого Марчелло я должна побаловать». Я унаследовал философию Средиземноморья, почти восточную, которая позволяет все сносить, все терпеть, утешая себя: «Такова судьба. Тут уж ничего не поделаешь. Поживем — увидим».

— После полувековой карьеры в кино вы по-прежнему неутомимы...

— Когда я не снимаюсь, мне нечем себя занять.

— Значит, вы никогда не перестанете сниматься?

— Конечно, нет. Я должен прожить свою жизнь и намерен сниматься до тех пор, пока тот господин (снова поднимает глаза к небу) не призовет меня к себе. Так ужас-

но, что мне постоянно приходится с ним торговаться.

— Вам до такой степени не хочется умирать?

— Только в 72 начинаешь понимать, как жизнь коротка. Мне кажется, что я появился на белый свет всего несколько недель назад, а уже велят уходить. Как глупо! Зачем же спрашивается, я сюда приходил? Делать детей, продолжать человеческий род? Это замечательно, но я хотел бы понаблюдать за своим потомством еще 200—300 лет, чтобы узнать, что случится с моими внуками, правнуками и праправнуками.

— С возрастом у вас глаза часто на мокром месте...

— Мне теперь трудно справиться с моими чувствами. Что вы хотите — мой отец пускал слезу, когда исполняли национальный гимн. Недавно я всплакнул в театре, и, когда зажгли свет, две дамы повернулись ко мне, и одна сказала другой: «Смотри, Мастроянни. Этот кретин плачет!». И что в этом плохого?

— Вы еще пользуетесь успехом у женщин?

— Вы шутите? Это почти обидно — мне 72! Женщины ценят меня, но не больше... Когда-то у меня были самые красивые в мире подружки. Но, уверяю вас, не менее прекрасные девушки были и у мясника, который жил по соседству.

— Зачем вы так много курите?

— Ради Бога, не действуйте мне на нервы. Занимайтесь лучше своими проблемами!

— В Париже вы часто гуляете с дочкой Кьярой, мама которой — Катрин Денев. Почему она все время держит вас за руку?

— Наверное, боится, что я попаду под машину. Ну и что в этом плохого? Я мог бы быть ее дедушкой. Когда она родилась, мне было 50... Кьяра решила стать актрисой и спросила меня, не стоит ли ей сменить фамилию — иначе все будут говорить, что она лишь дочь Марчелло. В конце концов она осталась Мастроянни. Звучит слишком длинно.

— Какие роли вы бы хотели сыграть?

— Старого Тарзана. Это добрый человек, который живет в лесу, любит природу и животных. Раньше он был царем джунглей — сильным, молодым и красивым, а сегодня превратился в одинокого пенсионера. Получился бы замечательный фильм.

ЮРИЙ КОВАЛЕНКО,
«Известия».

ПАРИЖ.